



Вечер сочельника



В сочельник детям доктора Штальбаума целый день не позволяли входить в гостиную и уж тем более в примыкавший к ней зал.

Фриц и Мари забились в уголок дальней комнаты, и им сделалось довольно жутко, когда стало смеркаться, а никто так и не принёс лампу, как это обычно бывало по вечерам.

Фриц таинственным шёпотом рассказывал младшей сестрёнке (ей только что исполнилось семь лет), что он с раннего утра слышал, как в запертых комнатах шуршат, шумят и что-то тихонько приколачивают. А не так давно он видел, как в прихожую прошмыгнул низенький тёмный человечек с большим ящиком под мышкой; он отлично знает, что это не кто иной, как крёстный Дроссельмайер.

Мари от радости всплеснула ручками и воскликнула:

— Ах, наверняка что-то хорошенькое приготовил для нас крёстный!

Советник суда отнюдь не был красив: небольшого роста, худой, со множеством морщин на лице, —



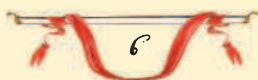
а правый глаз закрывала чёрная накладка. К тому же Дроссельмайер был совершенно лыс, поэтому носил превосходный светлый парик очень искусной работы. Крёстный, мастер на все руки, даже в часах понимал толк и мог их чинить. Когда в доме Штальбаумов выходили из строя часы, тотчас являлся Дроссельмайер, снимал парик, скидывал свой жёлтый сюртучок и, подвязав синий фартук, принимался тыкать в механизм часов острыми палочками. Маленькой Мари было очень жаль часы, однако манипуляции крёстного не приносили им никакого вреда — напротив, после ремонта они весело тикали и певуче отбивали удары, чем доставляли большую радость всем членам семьи.

Всякий приход крёстного радовал детей, потому что в его карманах всегда оказывалось что-нибудь интересное — то смешной человечек, вращающий глазами и любезно раскланивающийся, то табакерка, из которой выскакивает птичка, то ещё что-нибудь забавное.

К Рождеству он всегда мастерил особенные игрушки, которые стоили ему немалых трудов, поэтому, как только он вручал их детям, родители тут же убирали подарки под замок.

— Ах, что же для нас приготовил крёстный на этот раз? — в нетерпении воскликнула Мари.

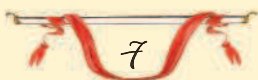
Фриц полагал, что это непременно будет крепость, где проводят учения и маршируют взад-вперёд бравые солдаты, пока на них не нападут другие солдаты, чтобы овладеть крепостью. Тут начинается бой: стреляют из пушки, летят снаряды...



— Нет-нет, — перебила его размышления Мари. — Крёстный говорил про сад и большое озеро в нём, по которому горделиво плавают лебеди с золотыми ленточками на шее и поют волшебные песни. Из сада к озеру приходит маленькая девочка, подзывает лебедей и кормит сладким марципаном.

— Лебеди марципан не едят, — довольно резко заметил Фриц, — да и не может крёстный сделать ничего подобного. И, собственно говоря, что толку от его игрушек, если их сразу же отбирают. Я гораздо больше люблю подарки от родителей — они у нас остаются, и мы можем делать с ними что хотим.

И дети принялись гадать, что подарят на этот раз мама и папа. Мари полагала, что Гертрудочка (её большая кукла) страшно изменилась, так как с каждым разом всё неудачнее и неудачнее падает на пол, что всегда отвратительно сказывается на её лице, а о чистоте платьев уж не приходится и думать. Самые строгие выговоры ни к чему не ведут. Кроме того, мама улыбнулась, когда Мари так восхищалась маленьким зонтиком у Гретхен. Фриц же, со своей стороны, уверял, что в его конюшне не хватает рыжего коня, а в его войсках совсем нет кавалерии, и папа отлично об этом осведомлён. Дети знали наверняка, что родители приготовили прекрасные подарки, которые теперь расставляют у ёлки, но вместе с тем им было известно, что Младенец Христос приветливо смотрит на них своими кроткими детскими очами и что рождественский подарок, к которому как будто прикоснулась благодатная рука, бывает милее всякого другого.





Дети, продолжая шёпотом обсуждать подарки, которые хотели бы получить от родителей, вспомнили, как старшая сестра Луиза говорила: сам Христос руками родителей дарит детям то, что доставит им самое большое удовольствие — а уж это он знает гораздо лучше, чем сами дети, — поэтому они должны

не мечтать и гадать, а спокойно и скромно дожидаться подарков.

Мари призадумалась, но Фриц не удержался и про-
бормотал:

— А всё-таки хорошо бы получить коня и гусар!

Совсем стемнело. Прижавшись друг к другу, дети уже не смели разговаривать: им казалось, что вокруг раздаётся шорох чьих-то лёгких крыльев, а откуда-то совсем издали доносятся звуки чудной музыки. По стене пробежал светлый луч, и брат с сестрой поняли, что это Младенец Христос на сияющих облаках полетел к другим счастливым детям.

В ту же минуту раздался серебристый звон: «Динь-дон, динь-дон» — двери распахнулись, и из большой комнаты хлынул такой поток света, что Фриц и Мари в восхищении замерли на пороге.

Вошли родители и, взяв детей за руки, пригласили в гостиную:

— Ну, идите, детки, посмотрите, что вам подарил Младенец Христос.



Чудо механики



Обращаюсь к тебе, мой благосклонный читатель или слушатель. Не важно, как тебя зовут: Фриц, Анна, Эрнест или как-то иначе. Вспомни своё последнее Рождество, множество подарков, и тотчас представишь, как были ошеломлены дети. Лишь спустя некоторое время Мари с глубоким вздохом воскликнула:

— Ах как хорошо! — а Фриц несколько раз радостно подпрыгнул так высоко, как только мог.

Должно быть, дети в этом году вели себя особенно хорошо и скромно, поскольку никогда ещё не получали столько замечательных, великолепных подарков. На стоявшей посреди комнаты большой ёлке висели золотые и серебряные яблоки, и все её ветки были усыпаны, как цветами, леденцами, засахаренным миндалём и другими лакомствами. Но самыми красивыми на волшебном дереве были сотни весело сиявших, подобно маленьким звёздочкам, огоньков, которые радушно приглашали детей срывать цветы и плоды с ёлки. Всё сверкало и вокруг лесной красавицы:



уж что за чудные вещи здесь были — вряд ли кто сумел бы и описать! Мари заметила хорошеньких кукол, всевозможную посуду, но что показалось ей самым запоминающимся — так это красивое шёлковое платье, отделанное разноцветными лентами. Оно так удачно висело на плечиках, его можно было рассматривать со всех сторон, что Мари и делала, не переставая восклицать:

— Ах какое чудное, милое платье! И мне его можно будет надеть — правда можно?

Тем временем Фриц уже три или четыре раза попробовал то галопом, то рысью объехать вокруг стола на своём новом коне, которого нашёл, уже в полном снаряжении, у стола с подарками. Спешившись, он объявил, что это очень горячий скакун, но это не беда и он отлично с ним справится, и устроил смотр своему новому гусарскому эскадрону; где солдаты были в красных с золотом мундирах и с серебряными саблями, а лошади казались сделанными из чистого серебра.

Немного успокоившись, дети решили посмотреть книги с картинками: редкостные цветы, люди в разноцветных нарядах и играющие дети были так хорошо изображены, что казались живыми, — но только взяли первую книжку, как снова звякнул колокольчик. Фриц и Мари поняли, что настал черёд подаркам крёстного Дроссельмайера, и подбежали к стоявшему у стены столу.

Ширму, что долго загоразивала стол, наконец отодвинули, и такое великолепие предстало глазам детей! На зелёном цветущем лугу возвышался чудный



замок с зеркальными окнами и золотыми башнями. Вдруг раздался звон колокольчиков, двери и окна распахнулись, и стало видно, как по залам замка прогуливаются изящные крошечные кавалеры под руку с дамами в шляпках, украшенных перьями и вуалями. В среднем зале, который от множества крохотных свечей, горевших в серебряных люстрах, казался огненным, в такт звону колокольчиков танцевали дети. Какой-то господин в изумрудном платье часто выглядывал из окна и потом снова исчезал, а сам крёстный Дроссельмайер (только величиной с папин большой палец) время от времени выходил из дверей замка и, постояв, снова уходил внутрь.

Облокотившись на стол, Фриц некоторое время понаблюдал за обитателями замка и вдруг спросил:

— Крёстный, а можно мне туда войти?

Конечно же, это совершенно невозможно: ведь замок вместе со всеми своими золотыми башнями был гораздо меньше Фрица.

Через некоторое время мальчику наскучило смотреть, как кавалеры и дамы всё так же прогуливаются, дети — танцуют, зелёный человечек — выглядывает из того же окошка, а крёстный Дроссельмайер выходит из двери, и он нетерпеливо выкрикнул:

— Крёстный, ты хоть бы вышел из другой двери!

— Это невозможно, мой милый Фриц, — ответил советник суда.

— Ну так заставь того зелёного человечка, что высовывается из окошка, прогуляться с другими по замку.

— И это невозможно.

